

Г.А. Золотков

От Brentano к Wittgensteinу: о причинах, побудивших Раша Риса оставить проблему континуума*

Золотков Григорий Алексеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2; стажер-исследователь. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: zolotkov_grigory@mail.ru

В статье обсуждается вопрос о том, почему Р. Рис – ученик и распорядитель наследия Л. Витгенштейна – прекратил свое исследование проблемы континуума. В незавершенной докторской диссертации, начатой им в 1933 г., т.е. еще до знакомства с будущим ментором, Рис пытался развить феноменологическую интерпретацию континуума Ф. Brentano, в частности, обращаясь к его идее наполненности границ, или «плерозису». В 1938 г. он, однако, внезапно прервал свое исследование, отойдя как от самой этой проблемы, так и от учения Brentano. Было ли произошедшее обусловлено влиянием Витгенштейна, позднее учение которого отличается терапевтическим подходом к работе с философскими проблемами? Ответить на этот вопрос позволяет сопоставление фрагмента диссертации Риса с поздними взглядами Витгенштейна на непрерывность.

Ключевые слова: континуум, непрерывность, плерозис, философская терапия, Ф. Brentano, Л. Витгенштейн, Р. Рис

Несмотря на то, что Раш Рис (1905–1989) прежде всего известен как ученик и распорядитель наследия Людвиг Витгенштейна, в его биографии¹ есть и иные заслуживающие внимания сюжеты. Среди них таинственная и достаточно драматичная история увлечения Риса философией Франца Brentano. Она началась в 1932 г., когда, оставшись без работы, недавний выпускник Эдинбургского университета и бывший стипендиат престижной премии Ванса Данлопа Рис отправился в Инсбрук, Австрия, где должен был пройти стажировку под руководством Альфреда Кастиля [Phillips, 2006, p. 269]. Последний был учеником и одним из душеприказчиков Франца Brentano², изучение чьих идей (а также идей другого его ученика Антона

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

¹ Подробнее о биографии Риса см.: [Phillips, 2006; Золотков, 2023].

² Биографию Кастиля см.: [Mayer-Hillebrand, 1951].

Марти) было целью стажировки Риса. По всей видимости, визит задумывался как ознакомительный и, скорее всего, никто не предполагал, что это станет началом продолжительного сотрудничества. Тем не менее учения австрийцев вызвали у молодого исследователя неподдельный интерес, и уже по окончании стажировки Кастиль писал: «[Рис] настолько преуспел, что в понимании идей этих философов сейчас не уступает их непосредственным ученикам» [цит. по: Erbacher, Schirmer, 2017, p. 5].

Особое впечатление на Риса в Инсбруке произвел сборник поздних работ Brentano «Учение о категориях» [см. второе издание: Brentano, 1985], к которому он даже составил ряд замечаний, положительно оцененных подготовившим книгу Кастилем [Ibid.]. При этом внимание Риса привлекли не основные темы работы (бытие и категории), но более узкая и не до конца проработанная проблема континуума. Так, по свидетельству Кастиля, Brentano только наметил подход к решению этой проблемы, не успев в полной мере развить его: «За несколько дней до смерти, – писал он, – Brentano сказал мне, что его учение [о континууме] находилось на стадии исправления. При этом он не пояснил, какого рода улучшения хотел бы внести» [цит. по: Ibid., p. 5]. Проблема континуума и подход Brentano очаровали Риса и вдохновили его на написание диссертации. Лучшей рекомендацией и одновременно благословением этому начинанию стала следующая характеристика Кастиля: «Мне представляется крайне вероятным то, что проникательность и не знающее усталости трудолюбие мистера Риса позволят ему добиться успеха в поисках нужного здесь (т.е. для завершения учения о континууме. – Г.З.) подхода» [цит. по: Ibid.]

В 1933 г. Рис поступил в аспирантуру Кембриджа, где под руководством Дж.Э. Мура приступил к исследованию континуума. Примечательно, что кембриджская философия языка, стремительно набиравшая влияние, не вызвала у него интереса. Даже напротив, о своем будущем друге и менторе, Витгенштейне, Рис тогда писал: «Я слышал, что только после достаточно долгого времени начинаешь понимать, как много получаешь от него. Охотно верю. Однако жизнь коротка и вопрос в том, не полезнее ли будет употребить время на что-то другое (например, на изучение работ Марти). В настоящий момент я склонен полагать, что на этот вопрос следует дать утвердительный ответ» [цит. по: Erbacher, 2016, p. 3–4]. Неоправданную трату времени Рис видел и в затяжных спорах со своим научным руководителем, Муром. Так, в переписке с Кастилем он называет «смешением вымыслов» (entanglement of fictions) представления Мура о наличии у термина «существует» двух принципиально различных значений – логического и физического, – несводимых друг к другу. По-видимому, разделяя убеждения школы Brentano, Рис должен был отрицать наличие здесь какой-либо существенной разницы⁵. В частности, он указывал на то, что «аподиктическое утверждение “является невозможным” включает в себя эмпирическое “не существует”» [цит. по: Ibid., p. 4]. Любопытно, что в отличие от Риса Мур считал эти споры содержательными, отмечая, что нашел в них много интересного для себя, а самого Риса при этом характеризовал как одного из наиболее способных своих учеников [Phillips, 2006, p. 271].

⁵ Б. Смит так поясняет эту особенность учения Brentano: «Поскольку, согласно Brentano, все существующее является вещами, из этого следует, что в мире, как он его понимает, нет фактов или чего-либо сходного с ними... Поскольку Brentano не признает ничего сущего, кроме вещей, то он допускает только тот способ существования, который характерен для вещей, и также отрицает различие между существованием и наличием (subsistence), принимаемое, например, Майнонгом и Витгенштейном» [Smith, 2009, p. xxii]. Р.А. Громов добавляет: «“Существование” не является реальным предикатом... и это означает, что глагол “есть” в экзистенциальном предложении (а также в производных от него формах предложений) в его подлинном смысле является лишь индикатором признания и отрицания, то есть выражением определенного способа отношения к предмету. Из этого следует, что употребление “есть” в экзистенциальной форме предложения должно быть однозначным и не зависеть от того, о какого рода предметах идет речь» [Brentano, 2018, с. 616].

В конце 1934 г. безоблачный этап увлечения Риса философией Brentano завершается и над исследованием начинают сгущаться тучи. Кастилю он напишет, что работа над диссертацией «продвигается не слишком успешно», а также то, что он никак не может закончить «вступление к теории отношений» [Erbacher, Schirmer, 2017, p. 4]. В действительности же исследование увязает в завышенных требованиях и исследовательской бескомпромиссности Риса. В 1936 г. срок аспирантуры подошел к концу и молодой философ должен был представить комиссии имеющийся у него текст, чтобы претендовать на продление учебы. Он, однако, отказался это сделать, заявив, что ему нечего показать. И хотя в действительности это было не так, Рис предпочел покинуть Кембридж. О крайней степени отчаяния философа в этот период жизни говорят его полные горечи слова: «Несмотря на представившиеся мне возможности и время, которое я этому отдал, я не преуспел ни в подготовке чего-либо для публикации, ни в завершении диссертации. Также я не могу сказать, что считаю вероятным, что смогу это сделать в дальнейшем» [Phillips, 2006, p. 270].

Впрочем, несмотря на подавленное состояние Риса, проблема континуума не утратила для него своего очарования, и он по-прежнему намеревался продолжить ее исследование. Проведя 1937 г. за преподавательской кафедрой в университете Манчестера, в 1938 г. он все же предпринял попытку вернуться в аспирантуру и начал готовить рукопись для комиссии. Довольно быстро, однако, Рис столкнулся с прежней трудностью – у него не получалось придать работе законченный вид. Витгенштейн, с которым они успели к этому моменту подружиться, советовал отправить работу как есть, невзирая на ее недостатки. Мыслитель настаивал, что недовольство текстом еще не повод отказываться от карьеры: «Просто продолжай упорствовать, – писал он, – и, если это возможно, не бойся жертвовать последовательностью... У тебя все еще есть все шансы на успех. И даже если не получится закончить текст, все равно пошли его» [McGuinness (ed.), 2008, p. 281]. В августе того же года Витгенштейн даже предложил Рису обсудить тему континуума [Rhees, 1970, p. vii], по-видимому, надеясь придать уверенности молодому исследователю. В течение трех недель они каждый день подолгу дискутировали, а вечерами Рис записывал результаты. Позже он переработал эти записи в эссе «О непрерывности: идеи Витгенштейна, 1938 год» [Ibid., p. 104–157]. Впрочем, сеансами совместного чтения диссертации Риса эти встречи не стали, на что указывает письмо Витгенштейна, написанное уже в октябре: «Я обнаружил твою первую главу... мельком взглянул на несколько страниц, сейчас не могу посмотреть больше, но у меня вовсе не сложилось дурного впечатления!». В том же письме он выражал досаду упрямством Риса: «Никак не пойму, почему тебе так хочется быть своим собственным экзаменатором» [McGuinness (ed.), 2008, p. 285]. Вразумить младшего товарища Витгенштейну не удалось – своенравный подопечный так и не отправил свою работу.

На этом история увлечения Риса проблемой континуума и философией Brentano обрывается. Несмотря на многообещающее начало, она ничем не закончилась, а текст этого исследования исчез. В архиве Риса, разобранным после смерти философа, его не оказалось. Лишь в 2010-х гг. эта 70-страничная рукопись без названия была обнаружена в архиве Кастиля, и один из ее разделов, озаглавленный «Внешние и внутренние поверхности тел», был опубликован [Erbacher, Schirmer, 2017, p. 10–31]. Скорее всего, данная рукопись представляет собой результат последней попытки Риса закончить диссертацию, отосланный Кастилю как извинение за потраченное им время. После 1938 г. направление развития мысли философа резко меняется. Рис попадает в орбиту идей Витгенштейна и оставляет проблему континуума, уже не предпринимая новых попыток вернуться к ней⁴. К учению Brentano он

⁴ Из опубликованных текстов Риса самые близкие к 1938 г. – это конспекты его бесед с Витгенштейном 1939–1950 гг. на темы этики, анархизма, противоречия, психоанализа, цвета, религии, эволюции,

также больше не возвращался и касался его идей только вскользь [см. Rhees, 1997, pp. 3–11, 197–202, etc.]. Магистральной темой его творчества становится истолкование языка как формы жизни.

История данного исследования ставит вопрос о том, какую роль в окончательном разрыве Риса с проблемой континуума и идеями Brentano сыграл Витгенштейн. В следующих разделах мы попытаемся реконструировать путь, которым Рис должен был пройти от своеобразной зачарованности этой проблемой до полной потери к ней интереса. Для этого мы сначала кратко представим взгляды Brentano и их развитие у Риса, а затем ту критику этих взглядов, которую можно найти в размышлениях Витгенштейна в 1938 г. о континууме.

Рецепция Рисом учения Brentano о континууме

В рукописи своего диссертационного исследования Рис не заявляет намерения развить учение Brentano и, более того, практически не упоминает философа. Тем не менее мысль Риса определенно движется в перспективе учения Brentano и даже углубляет оное в одном важном аспекте. Прежде чем мы обратимся к этому аспекту, в общих чертах охарактеризуем проблему континуума, а также то решение, которое она получила у Brentano.

В философии под континуумом понимается такой целостный объект, который идеальным образом непрерывен, т.е. не имеет пустот между своими частями, или элементами⁵. Это довольно незамысловатое, на первый взгляд, определение таит в себе диалектическую головоломку. Чтобы помыслить континуум, нужно сначала представить его части. Если оные непрерывны, то мы проваливаемся в дурную бесконечность все меньших и меньших частей, не достигая предела, подводящего под это понятие надежный фундамент. Напротив, если континуум состоит из конечных, обособленных друг от друга элементов, то по своей сути он оказывается прерывен, что делает понятие противоречивым. Поскольку каждая из этих возможностей по своему ненадежна, такая привычная нам характеристика объектов, как непрерывность, на поверку оказывается философской проблемой.

Brentano рассматривал проблему континуума в разные периоды, однако наиболее полно она была представлена им в работах последнего десятилетия жизни, а именно в сборниках «Учение о категориях» [Brentano, 1985, S. 63–67, 169–172, 284–286, etc.] и «Философские исследования о пространстве, времени и континууме» [Brentano, 1976, S. 3–56]. В своем учении Brentano критикует предложенные Г. Кантором, Р. Дедекиндом, А. Пуанкаре и др. арифметические модели континуума, конструирующие его из множества дискретных точек, а также интерпретирующие непрерывность как результат заполнения всех возможных пустот между этими точками⁶. На взгляд Brentano, основным недостатком этого подхода является то, что понятие континуальности ими выводится «исключительно из искусственных и запутанных мыслительных операций», что не может быть верным, «поскольку понятие континуальности схватывают обычные люди и даже малые дети» [Ibid., S. 6–7]. И хотя арифметические модели континуума не претендуют на философскую универсальность, относясь главным образом к области математики, Brentano все равно

связи науки и философии, свободы воли и др. [см. Citron, 2015], а также его лекции 1940–1947 гг. о «Государстве» Платона [Rhees, 2016, p. 101–168], в которых просматривается влияние Дж. Андерсона. Ни в одном из этих источников проблема континуума не затрагивается.

⁵ Историко-философский экскурс в проблему см.: [Катасонов, 2001].

⁶ Об арифметических моделях континуума см.: [Медведев, 1965, с. 124–125].

был убежден, что они ошибочны, поскольку противоречат интуитивно постигаемой основе этого понятия, общей всем его употреблением.

Арифметическому конструированию континуума Brentano противопоставил свое учение, трактующее непрерывность как совокупность множества бесконечно делимых элементов, имеющих смежные неделимые границы. Вдохновение в этом он черпал в идеях Аристотеля, следующую мысль которого можно назвать отправной точкой для его учения: «Непрерывное» есть само по себе нечто смежное: я говорю о непрерывном, когда граница, по которой соприкасаются оба следующих друг за другом предмета, становится для обоих одной и той же и, как показывает название, не прерывается» [Аристотель, 1981, с. 167]. Аристотелевское представление о смежности границ континуума Brentano дополняет феноменологическим обоснованием, выводящим непрерывность из чувственных восприятий. Так, в трактовке мыслителя, интуитивное постижение континуальности происходит примерно следующим образом: а) с помощью органов чувств мы воспринимаем объекты, имеющие соприкасающиеся части; б) от этих объектов мы абстрагируем идею границы; в) соединяя в уме представления об объектах с идеей границы, мы постигаем понятие непрерывности [Körner, Chisholm, 2009, p. xii].

Можно заметить, что понятие границы играет ключевую роль в брентановском объяснении континуума. Именно предполагаемая этим понятием дискретность позволяет Brentano поставить бесконечно делимые элементы континуума в фиксированные рамки, показав их мыслимость. Однако, чтобы осуществить это, философу предварительно приходится показать неиллюзорность границ, их объективное существование в реальности. Brentano демонстрирует это, указывая на наличие «взаимообусловленности» между границами и ограничиваемым ими континуумом [Brentano, 1985, S. 170]. Согласно этой точке зрения, «как ни один континуум не может быть рассмотрен отдельно от ограничивающих его границ, так и ни одна граница не может быть помыслена отдельно от континуума, от всех континуумов, которым она принадлежит как граница» [Ibid., S. 284–285]. Это позволяет Brentano утверждать, что границы не являются aberrацией восприятия, что они есть реальный и даже необходимый элемент тела, и в то же время границы не существуют сами по себе и «реальны в той мере, в которой они делают реальным континуум» [Ibid., S. 64].

Следует отметить, однако, что в использовании понятия границы для интерпретации континуальности есть существенный изъян. Приняв границы элементов континуума как нечто неделимое, мы сталкиваемся со следующим парадоксом: либо смежные границы расположены рядом друг с другом, т.е. между ними имеется зазор, а значит, части континуума в действительности не непрерывны; либо смежные границы не разделены, но тогда они должны одновременно находиться в одном и том же месте, что представляется невозможным⁷.

В фрагменте диссертационного исследования, озаглавленном «Внутренние и внешние поверхности тел» [Erbacher, Schirmer, 2017, p. 9–30], Рис предложил решение данного парадокса, показывая, что границы континуума могут одновременно находиться в одном и том же месте. Возможность подобного наложения, на его взгляд, обусловлена тем, что границы имеют отличную от тел природу. Он демонстрирует это с помощью нескольких наблюдений: а) границы в отличие от тел могут мыслиться как нечто одномерное или двухмерное; б) они могут иметь направление, например, начинать или завершать некоторый процесс; в) они не имеют объема [см. Ibid., p. 10–15]. Из последнего наблюдения Рис призывает не делать вывод об отсутствии у границ объективного существования. Свою позицию он

⁷ Подробнее об этом парадоксе, а также развернутую критику учения Brentano о континууме см.: [Massin, 2018].

противопоставляет той точке зрения, что границы являются результатом аберраций восприятия. Согласно ей, тела, вступая в контакт, взаимопроникают друг в друга своими частицами (в качестве примера Рис приводит размышления Уайтхеда [см. Whitehead, 1919, p. 101–106]). Полемизуя с этой точкой зрения, Рис предлагает следующий мысленный эксперимент. Представим себе параллелограмм и поделим его пополам, проведя через его центр сечение, параллельное одной из его поверхностей. Эту же процедуру сделаем с одной из получившихся половин. Затем повторим эту процедуру с одной из новых половин, поделив ее на еще меньшие половины и т.д. Сколь продолжительным бы ни было подобное деление и как бы мы ни раслаивали параллелограмм, интересующая нас поверхность, или граница тела, по направлению к которой движутся все новые и новые сечения, не перестанет существовать и не изменится каким-либо образом [см. Erbacher, Schirmer, 2017, p. 11–12].

Указав на особую природу границ, Рис вводит их разделение на внутренние и внешние. Сделать это ему позволяет брентановская концепция «плерозиса» (от греч. πλήρωσις – наполнение, заполнение), или количества направлений, в которых граница способна разграничивать [см. Smith, 2009, p. xv–xvi]. Согласно этой концепции, внутренние границы должны иметь полный плерозис, т.е. разграничивать во всех возможных направлениях, как бы полностью реализуя свой потенциал и тем самым пребывая в некотором данном месте наиболее полным образом. Внешние границы, напротив, имеют только частичный плерозис, поскольку разграничивают лишь в некоторых направлениях, не реализуя свой потенциал и занимая данное место неполным образом. Рис поясняет эту мысль следующим образом: «...если внешняя граница окажется в том же месте, где находилась внутренняя, и займет это место менее полно, то это будет означать, что что-то еще могло бы находиться в этом же месте, дополняя ее присутствие. Это нечто не дополняло бы внешнюю границу... если бы не делало ее похожей на внутреннюю. Напротив, оно дополняло бы ее в том случае, если бы происходило определенное “заполнение”. Это “нечто”, которое может находиться в одном месте с внешней границей, конечно, также является границей. <...> И если какая-то граница может находиться там как такое дополнение, то она очевидно также может быть только внешней» [Erbacher, Schirmer, 2017, p. 29].

Таким образом, Рис пришел к следующему объяснению того, как реальное существование границ совместимо с возможностью их наложения друг на друга. Только внешние границы могут находиться в одном месте, поскольку только они имеют неполные плерозисы. Напротив, внутренние, имея полные плерозисы, не могут находиться в одном месте. Такие границы вообще не могут быть смежными, поскольку существуют только с точки зрения всего тела целиком и, например, две части тела будет разделять одна общая, а не несколько частных границ. Следует подчеркнуть, что это заключение существенным образом дополняет взгляды Брентано, истолковывая континуум как систему, элементы которой связаны между собой исключительно внутренними границами.

Впрочем, соображения Риса все же не снимают отмеченный выше парадокс. Поскольку внешние границы не мыслимы без тела-носителя, то совмещаться в одном и том же месте они могут только одновременно с этими телами, что невозможно. Этот недостаток ставит под сомнение верность гипотезы плерозиса, а как следствие, и предложенное Рисом решение. Философ, по всей видимости, осознавал это возражение [см. Ibid.], однако не считал его принципиальным. Гораздо больше его беспокоили другие моменты. Например, необходимость доказать, что только реальность внешних границ делает возможной нашу способность идентифицировать тела как таковые [см. Ibid., p. 16]. Также неубедительным он находил свое объяснение опытного восприятия внутренних границ, называя его «крайне туманным

и неполным» [см. Erbacher, Schirmer, 2017, p. 22]. Выделение Рисом этих моментов позволяет составить представление о том, какого рода недостатки стояли за его нежеланием предъявить работу аттестационной комиссии Кембриджа.

Проблема континуума у Витгенштейна

Таким образом, серьезных причин для разрыва с проблемой континуума и философией Brentano в рукописи Риса мы не находим. Действительно, в работе есть пробелы и некоторые недостатки, но они едва ли обесценивают проведенное автором исследование. О том, что и сам Рис придерживался этого мнения, свидетельствует перечисление им достигнутых целей и решенных задач [Erbacher, 2016, p. 29–30]. В связи с этим представляется маловероятным, что разочарование в учении Brentano и проблеме континуума могло возникнуть спонтанно. По всей видимости, трудности, с которыми столкнулся Рис, не были непреодолимыми, и он довел бы исследование до конца, если бы что-то не остановило его.

Наиболее правдоподобной причиной произошедшего разрыва представляется воздействие так называемой философской терапии Витгенштейна – разработанной им техники исследования, позволяющей выявлять некорректности в постановке философских проблем. Данная техника занимает важное место в позднем творчестве мыслителя и является одной из наиболее заметных особенностей этого периода. Сам Витгенштейн, впрочем, не только не дал ей названия, но и не оставил ее точной формулировки. Конкретно в тексте «О непрерывности: идеи Витгенштейна 1938 года» [Rhees, 1970], зафиксировавшем рубежную беседу философа с Рисом, после которой последний оставил свою диссертацию, эта техника описана следующим образом: «Когда действительное употребление слова напоминает не одну игру, ведущую по строгим правилам, но некую деятельность, входящую то в одну, то в другую игру, произвольным образом дрейфующую между ними, то никакая система правил, которую можно было бы назвать *единой*, не позволит описать это употребление. Тогда нам следует описать несколько игр, *несколько* наборов правил, являющихся *центрами вариаций*. – Это как описывать наружность отдельно взятой национальности по полудюжине наиболее характерных для нее типажей» [Ibid., p. 157]. Отталкиваясь от этой формулировки, рассмотрим, что данная техника философствования может противопоставить проблеме континуума и ее решению, предложенному Brentano.

Приступая к рассмотрению понятия «непрерывность», Витгенштейн, в изложении Риса, предлагает разграничить три типа употреблений: математическое, визуальное и физическое. Значение математических высказываний при этом определяется исключительно аксиомами. В тексте проводится следующая мысль: «Математика – это фразеология. Континуум в математике – это композиция, в том же смысле, что и в музыке. Математики, сочиняя континуум, конечно, не вполне свободны. Их направляет не природа физического мира, но уже существующая математика. Понятие “и так далее”» [Ibid., p. 133]. Подобная композиционность делает излишним описание каких-либо объектов: «Нам кажется, – приводит Рис мысль Витгенштейна, – что предложения геометрии рассматривают свои объекты, так же как и эмпирические предложения свои. Но эта аналогия неверна» [Ibid., p. 106–107]. И далее: «В геометрии мы сосредоточены на предложениях и их связях. <...> Мы не пытаемся открыть свойства геометрических фигур. Мы не строим предположения о том, будет ли данный круг иметь те свойства или иные. Мы не меняем геометрические законы в результате открытия каких-либо свойств у геометрических объектов» [Ibid., p. 107].

Тем самым реальное положение дел не способно повлиять на значение понятий в математике. Сходную особенность Витгенштейн выявляет у визуальных, или

субъективных, выражений. При этом если язык математики регулируется исключительно собственными аксиомами, визуальный язык подобного критерия правильности не имеет и опирается исключительно на непосредственность восприятий субъекта [Rhees, 1970, p. 139]. Действительно, даже точно зная, что зрение подводит нас, мы не можем повлиять на воспринимаемый образ, что сказывается на употреблении понятий. В тексте приводится следующий пример: «Предположим, что мы не способны отличить наблюдаемый круг от наблюдаемого 100-стороннего многоугольника. Мы все равно можем назвать последний непрерывной кривой, подчеркивая его отличие от фигур вроде пятиугольника, которые мы легко *можем* отличить от кривой» [Ibid., p. 138]. И хотя утверждения другого человека о своих ощущениях могут показаться нам недостоверными, понять их значение нам позволяют только аналогии с собственными впечатлениями.

Напротив, в физике содержание слова «непрерывность» задается именно фактами. В ее рамках назвать нечто непрерывным мы можем только после экспериментальной проверки. При этом Витгенштейн подчеркивает, что данную проверку всегда ограничивают жесткие рамки. Так, если мы хотим установить, является ли некоторое движение непрерывным, нам в первую очередь следует определить применяемый метод, поскольку именно он «впервые устанавливает, что значило бы “проверить заполненность точек”. <...> Попытки вывести разговор за рамки используемого метода, отказаться от метода, делают этот разговор бессодержательным» [Ibid., p. 144]. И хотя вопрос о наличии непрерывности в физике может быть распространен на движение в целом и даже получить вполне конкретные ответы, оные не приобретают характер абсолютной истины: «Если физик утверждает, что физика показала прерывность всего движения, это может означать следующее: 1) физики открыли нечто вроде частицы, которая показала, что какое-то тело *не может* проходить больше такой-то крайне малой дистанции без исчезновения и затем (как правило) повторного появления после “прыжка”; либо 2) многие движения и типы движений, рассмотренные в условиях таких-то экспериментов, показали свою прерывность, что, вероятно, может быть справедливо для движения в целом» [Ibid., p. 146]. Иными словами, физические высказывания не содержат абсолютных истин о природе реальности, всегда устанавливая конкретные рамки своей применимости.

Разграничение математической, визуальной и физической непрерывностей позволяет Витгенштейну представить философскую проблему континуума как своеобразную головоломку, возникающую в результате смешения этих употреблений между собой. Так, например, знание об атомарной структуре материи склоняет нас противопоставить кажущейся целостности вещей их фактическую делимость. При этом между собой спутываются визуальное и физическое словоупотребления. Возникает неясность, которая «побуждает нас глубже погрузиться в то, с чем мы имеем дело. (Кажется, что в данном случае нам нужен микроскоп, но это не так. Мы хотим установить [внутренние] связи вещи, а не то, как она выглядела бы, имей мы возможность видеть ясно.)» [Ibid., p. 137]. На взгляд Витгенштейна, мы упускаем здесь то, что речь идет о двух разных типах непрерывности – непосредственно данной и подтверждаемой эмпирически. Два эти значения как бы объединяются в третье, предельное, претендующее на подлинную непрерывность, при этом не имеющее аналогов в языке.

На наш взгляд, подобная терапия вполне могла стать причиной разочарования Риса в проблеме континуума. Она же могла оттолкнуть молодого философа и от феноменологического проекта Брентано. Действительно, если последний утверждал, что разные значения понятия непрерывности имеют общее основание в опыте, то Витгенштейн показал Рису, что каждое употребление непрерывности по-своему уникально и не может быть редуцировано. Любопытно, что в качестве одной

из иллюстраций он приводил пример, созвучный взглядам Brentano на процесс интуитивного постижения континуальности: «Рассмотрим впечатление, которое мы получаем, глядя вдоль короткого фрагмента провода, и сравним его, например, с впечатлением, которое мы получаем, глядя вдоль фрагмента провода, настолько длинного, что его конец нам не виден. <...> Это впечатление может способствовать формированию у нас образа линии, которую мы называем “бесконечная прямая линия”» [Rhees, 1970, p. 130]. Получаемый в результате такого абстрагирования образ, на взгляд Витгенштейна, является иллюзорным и не имеет отношения ни к математике, ни к языку наших визуальных восприятий. Как выше отмечалось, по Витгенштейну, математика в принципе не описывает какие-либо объекты. Визуальные же высказывания не предполагают подобной степени абстракции, и, утверждая, например, что «три звезды лежат на одной прямой», мы не употребляем слово «прямая» в значении «чего-то огромного, выходящего за границы всего, с чем мы можем столкнуться в опыте» [Ibid., p. 130–131].

Вместе с тем в работе «О непрерывности» указание Витгенштейна на отсутствие у метафизических терминов конвенционального значения имеет необычный нюанс. Здесь акцент сделан на том, что смысловую наполненность понятию придает наличие у него разных способов употребления, его многозначность. Напротив, смысловая изолированность, однозначность, свидетельствует об определенной бессодержательности понятия. Так, например, в работе утверждается: «Объяснение будет информативным только в том случае, если ты знаешь, что с ним делать, как оно применяется в других контекстах»; «в употреблении слова “непрерывность” в рамках математики не было бы смысла, если бы оно не было каким-то образом связано с его употреблениями за ее пределами» [Ibid., p. 113, 136]. Эта мысль в разных формах неоднократно повторяется в тексте, однако как таковая не обсуждается. Характерно, что в собственных работах Витгенштейна она практически не встречается. Исключением можно назвать его «Заметки по основаниям математики» [Витгенштейн, 1994а, с. 140–141]. В «Философских исследованиях» же и вовсе утверждается обратное – самодостаточность языковых игр [Витгенштейн, 1994б, §2–7], наделяющая смысловой полнотой изолированные понятия. Следует отметить, что позже именно представление о важности сосуществования у слова разных употреблений в рамках одной формы жизни было воспринято Рисом [см. Rhees, 1959, p. 179–180], став одной из центральных тем его философии [Золотков, 2023, с. 159–162].

Заключение

Сказанное подводит нас к выводу о том, что наиболее правдоподобным обстоятельством, оттолкнувшим Р. Рису от проблемы континуума и учения Ф. Brentano, стала философская терапия Л. Витгенштейна. Уже спустя годы Рис напишет: «В философии Витгенштейна я не нахожу ничего, что напоминало бы мне идеи Brentano» [Erbacher, Schirmer, 2017, p. 4]. На основании проведенного исследования пропасть, пролегающую между философиями двух австрийских мыслителей, можно представить в виде следующей аллегории: в то время как Brentano стремится вывести корабль метафизики в феноменологические воды, Витгенштейн силится посадить его на мель обыденного языка. Здесь следует подчеркнуть, что хотя под влиянием последнего мыслителя Рис и отказался от ранней точки зрения, подействовал на него не антиметафизический пафос, а то прозрение, что подлинная глубина в философии достигается не обобщениями, но вниманием к деталям, к жизни языка и его многообразию.

Список литературы

- Аристотель, 1981 – *Аристотель*. Физика / Пер. с др.-греч. В.П. Карпова // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 58–262.
- Брентано, 2018 – *Брентано Ф.* О будущем философии. Избранные труды / Пер. с нем. Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2018. 629 с.
- Витгенштейн, 1994а – *Витгенштейн Л.* Заметки по основаниям математики // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. II / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 1–206.
- Витгенштейн, 1994б – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
- Золотков, 2023 – *Золотков Г.А.* Раш Рис // *Философы XX века. Nomina incognita* / Отв. ред. И.Д. Джохадзе, А.М. Гагинский. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 149–166.
- Катасонов, 2001 – *Катасонов В.Н.* Непрерывность и прерывность // *Новая философская энциклопедия*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07849269cc1c02c74c0d0> (дата обращения: 28.01.2024).
- Медведев, 1965 – *Медведев Ф.А.* Развитие теории множеств в XIX веке. М.: Наука, 1965. 232 с.
- Brentano, 1976 – *Brentano F.* Philosophische Untersuchungen zu Raum, Zeit und Kontinuum. Hamburg: Meiner Verlag, 1976. 242 S.
- Brentano, 1985 – *Brentano F.* Kategorienlehre. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. 405 S.
- Citron, 2015 – *Citron G.* Wittgenstein's Philosophical Conversations with Rush Rhees (1939–50): From the Notes of Rush Rhees // *Mind*. 2015. No. 124 (493). P. 1–71.
- Erbacher, 2016 – *Erbacher C.* Wittgenstein and His Literary Executors // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2016. No. 4 (3). P. 1–39.
- Erbacher, Schirmer, 2017 – *Erbacher C., Schirmer T.* On Continuity: Rush Rhees on Outer and Inner Surfaces of Bodies // *Philosophical Investigations*. 2017. No. 40 (1). P. 3–30.
- Körner, Chisholm, 2009 – *Körner S., Chisholm R.M.* Editors' Introduction to the English Edition // *Brentano F.* Philosophical Investigations on Space, Time, and the Continuum / Trans. by B. Smith. Oxford: Routledge, 2009. P. ix–xx.
- Massin, 2018 – *Massin O.* Brentanian Continua // *Brentano Studien*. 2018. No. 16. P. 229–276.
- Mayer-Hillebrand, 1951 – *Mayer-Hillebrand F.* Alfred Kastil // *Zeitschrift für Philosophische Forschung*. 1951. Bd. 5. H. 2, S. 272–276.
- McGuinness (ed.), 2008 – *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951* / Ed. by B. McGuinness. Oxford: Wiley-Blackwell, 2008. 512 p.
- Phillips, 2006 – *Phillips D.Z.* Rush Rhees: A Biographical Sketch // *Rhees R.* Wittgenstein and the Possibility of Discourse. 2nd ed. Malden: Blackwell, 2006. P. 266–275.
- Rhees, 1970 – *Rhees R.* On Continuity: Wittgenstein's Ideas, 1938 // *Rhees R.* Discussions of Wittgenstein. London: Routledge & Keegan Paul, 1970. P. 104–157.
- Rhees, 1997 – *Rhees R.* On Religion and Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 411 p.
- Rhees, 2016 – *Rhees R.* In Dialogue with the Greeks. Vol. 2. Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2016. xxv + 272 p.
- Smith, 2009 – *Smith B.* A Note on Brentano's Terminology // *Brentano F.* Philosophical Investigations on Space, Time, and the Continuum / Trans. by B. Smith. Oxford: Routledge, 2009. 150 p.
- Whitehead, 1919 – *Whitehead A.N.* Enquiry concerning the Principles of Natural Knowledge. Cambridge: At the University Press, 1919. xii + 200 p.

From Brentano to Wittgenstein: What Forced Rush Rhees to Quit His Study of the Continuum?*

Grigory A. Zolotkov

Financial University under the Government of the Russian Federation. 49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation; National Research University "Higher School of Economics". 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: zolotkov_grigory@mail.ru

This paper discusses the reasons for Rush Rhees' sudden cancellation of his study of the phenomenon of continuity. Before he became a follower of Ludwig Wittgenstein, Rhees studied the philosophy of Franz Brentano. In his unfinished PhD, Rhees developed Brentano's phenomenological interpretation of continuity, more specifically, his theory of "plerosis". Nevertheless, after Rhees aborted his work on continuum, he never returned to it or to Brentano's philosophy. One of the last events leading up to this ending was the conversation between Rhees and Wittgenstein, which took place in 1938. The author of the article discusses the extent to which Wittgenstein's reflections may have influenced Rhees' rejection of Brentano's philosophical approach and contributed to a fundamental rethinking of his earlier position. The hypothesis of the work is that Wittgenstein's philosophy caused Rhees to become disillusioned with the phenomenological approach and the traditional way of posing philosophical problems.

Keywords: continuum, continuity, pleriosis, philosophical therapy, F. Brentano, L. Wittgenstein, R. Rhees

References

- Aristotle. *Fizika* [Physics], trans. by V.P. Karpov, In: Aristotle, *Sochineniya v 4 t.* [Collected Works, 4 vols.], vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1981, pp. 58–262. (In Russian)
- Brentano F. *Kategorienlehre*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1985. 405 S.
- Brentano F. *O budushchem filosofii. Izbrannye trudy* [On the Future of Philosophy. Selected Works], trans. by R.A. Gromov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ, 2018. 629 p. (In Russian)
- Brentano F. *Philosophische Untersuchungen zu Raum, Zeit und Kontinuum*. Hamburg: Meiner Verlag, 1976. 242 S.
- Citron G. Wittgenstein's Philosophical Conversations with Rush Rhees (1939–50): From the Notes of Rush Rhees, *Mind*, vol. 124, no. 493, 2015, pp. 1–71.
- Erbacher C. Wittgenstein and His Literary Executors, *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2016, no. 4 (3), pp. 1–39.
- Erbacher C., Schirmer T. On Continuity: Rush Rhees on Outer and Inner Surfaces of Bodies, *Philosophical Investigations*, 2017, no. 40 (1), pp. 3–30.
- Katasonov V.N. Npreryvnost' i preryvnost'. In: *Novaia filosofskaya entsiklopediia*. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07849269cc1c02c74c0d0> (accessed: 28.01.2024). (In Russian)
- Körner S., Chisholm R.M. Editors' Introduction to the English Edition. In: Brentano F. *Philosophical Investigations on Space, Time, and the Continuum*, trans. by B. Smith. Oxford: Routledge, 2009, pp. ix–xx.
- Massin O. Brentanian Continua, *Brentano Studien*, 2018, no. 16, pp. 229–276.
- Mayer-Hillebrand F. Alfred Kastil, *Zeitschrift für Philosophische Forschung*, 1951, Bd. 5, H. 2, SS. 272–276.
- McGuinness B. (ed.). *Wittgenstein in Cambridge: Letters and Documents 1911–1951*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2008. 512 p.
- Medvedev F.A. *Razvitie teorii mnozhestv v XIX veke* [The Development of Set Theory in the Nineteenth Century]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 232 p. (In Russian)

---

* This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

Phillips D.Z. Rush Rhees: A Biographical Sketch. In: Rhees R. *Wittgenstein and the Possibility of Discourse*. Malden: Blackwell, 2006, pp. 266–275.

Rhees R. In *Dialogue with the Greeks*, vol. 2. Aldershot: Ashgate Publishing Company, 2006. xxv + 272 p.

Rhees R. On Continuity: Wittgenstein's Ideas, 1938. In: Rhees R. *Discussions of Wittgenstein*. London: Routledge & Keegan Paul, 1970, pp. 104–157.

Rhees R. *On Religion and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 411 p.

Smith B. A Note on Brentano's Terminology, in: Brentano, F. *Philosophical Investigations on Space, Time, and the Continuum*, trans. by B. Smith. Oxford: Routledge, 2009. 150 p.

Whitehead A.N. *Enquiry concerning the Principles of Natural Knowledge*. Cambridge: At the University Press, 1919. xii + 200 p.

Wittgenstein L. Filosofskie issledovanija [Philosophical Investigations], in: Wittgenstein L. *Filosofskie raboty*. Vol. 1 [Philosophical Works. Part 1], trans. from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Asseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 75–319. (In Russian)

Wittgenstein L. Zametki po osnovanijam matematiki [Remarks on the Foundations of Mathematics], in: Wittgenstein L. *Filosofskie raboty*. Vol. 2 [Philosophical Works. Part 2], trans. from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Asseev. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 1–206. (In Russian)

Zolotkov G.A. Rush Rhees. In: *Filosofy XX veka. Nomina incognita* [Philosophers of the Twentieth century. Nomina incognita], ed. by I.D. Dzhokhadze, A.M. Gaginsky. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2023, pp. 149–166. (In Russian)